

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 6 (434)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. авр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Tel.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

31 Марта 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: На волосок от войны.

С. Шварц. Заработная плата на пороге третьей пятилетки.

В. Александрова. Литературно-революционные портреты. —
4. Михаил Шолохов.

Р. Абрамович. Может ли Германия победить в грядущей войне? (Окончание).

В. Раб. Соц. Интернационале: Заседание Бюро РСИ.

За границей: Адельгейда Попп (некролог).

По России: ВКП на 18-ом съезде.

Из партии: Постановление Заграничной Делегации РСДРП.

Фельетон: Ф. Дан. Итоги съезда.

Extrait du Sommaire: L'éditorial sur la situation internationale. — Articles de Th. Dan sur le congrès du Parti bolchévique; de S. Schwarz sur les salaires en U.R.S.S. au seuil de la troisième période quinquennale; de V. Alexandrova sur la littérature soviétique; de R. Abramovitch sur les forces militaires de l'Allemagne. — Notices sur le congrès du Parti bolchévique, sur la mort d'Adelheid Popp, etc.

На волосок от войны

Чехословакия стерта Гитлером с карты Европы: Чехия (Богемия и Моравия) формально, а Словакия фактически превращены в «протекторат», точнее — в европейскую колонию Германии и уже полностью вкушают блага кроваво-садистской «цивилизации» национал-социализма, Карпатская Русь отдана на поток и разграбление варварам венгерской контр-революции. Через несколько дней после разгрома Чехословакии занят гитлеровскими войсками Мемель и схвачена железную руку германского фашизма за горло Литва. На очереди стоит Данциг и так наз. «польский корridor»...

Все эти головокружительные события на востоке Европы, последовавшие непосредственно за крушением испанской республики, упрочившим положение германо-итальянской «оси» на западе ее, совершенно изменили всю европейскую и, вместе с тем, мировую ситуацию. Не в том, конечно, смысле, что они «раскрыли глаза» правительствам и дипломатам великих демократических держав; что насильственное включение в государственные границы фашизма племен и народов, ничего общего

с германской «расой» не имеющих, показало им, наконец, всю искусственность и фальшь «расистских» теорий, которыми Гитлер лишь прикрывал свои захватнические стремления; что грубое нарушение всех положительных заверений и обещаний, которые давал германский диктатор своим демократическим партнерам и в Берлине, и в Берхтесгадене, и в Годесберге, и в Мюнхене, окончательно разоблачило его воинственные планы, и т. д., и т. д. Нет, приписывать испытанным государственным деятелям великих держав такую степень наивности, значило бы поистине наносить им бесчестье: уже «Мейн Кампф», который все они, конечно, читали, открыто говорил о расширении «жизненного пространства» для германского фашизма путем захвата различных частей России, отнюдь не населенных германской «расой»! Нет, государственные деятели великих держав, конечно, никогда не заблуждались ни насчет истинных намерений Гитлера и его союзников, ни насчет истинной ценности гитлеровских «теорий» и обещаний. И если могли быть такого рода заблуждения в широких

массах, то только потому, что сами государственные деятели этих держав поддерживали и насаждали эти заблуждения и своими собственными заявлениями, и всеми теми мощными средствами влияния на общественное мнение (печатать, радио и пр.), которые находятся в их распоряжении.

Не могло быть и, конечно, не было ни одного государственного деятеля, который не понимал бы, что агрессия составляет душу внешней политики фашизма всех видов, и что агрессия эта должна была стать особым «динамической» и военно-опасной с тех пор, как фашизм овладел самой индустриальной страной Европы — Германией и превратил ее в руководящую и притягательную силу для фашистских режимов и фашистских течений всех других стран. Не могло быть и, конечно, не было ни одного государственного деятеля, который бы не понимал, что действительной целью внешней политики Гитлера является передел Европы, который — не говоря даже о колониальных требованиях самой фашистской Германии — уже потому должен превратиться в передел мира, что для осуществления своих внешне-политических задач Гитлеру пришлось сначала выковать германо-итальянскую «ось», потом построить германо-итало-японский «треугольник», потом напрягать все свои усилия, чтобы превратить этот треугольник в многоугольник, охватывающий все большее и большее количество стран не только в Европе, но и в Азии, в Африке, в Америке. Не могло быть и не было ни одного государственного деятеля, который не понимал бы, как понимал, разумеется, и сам Гитлер, что такого рода внешне-политические цели могут быть осуществлены лишь в порядке европейской и мировой войны. И не могло быть и, конечно, не было, наконец, ни одного государственного деятеля, который не понимал бы, что перед лицом агрессии фашизма возможны лишь две политики: либо в корне пресечь его агрессивные поползновения, противопоставив ему внушительную силу, способную заставить его капитулировать и капитуляцией подготовить и свое собственное революционное низвержение, и сохранение мира, либо — идти навстречу неизбежной войне.

Государственные деятели великих демократических держав и стоявшие за ними господствующие классы этих держав не захотели пойти по первому пути, — единственному, дававшему реальные шансы на сохранение и упрочение мира. Они предпочли вторую линию политики — линию подготовки к войне, при которой много, разумеется, говорилось о мире, но при которой сам мир носил «мюнхенский» характер насквозь фальшивых сделок с фашизмом, конечно, отсрочивавших войну, но зато и делавших ее все более неизбежной. За какие-нибудь три года фашистскому «треугольнику» были отданы: Абиссиния в Африке, огромные части Китая в Азии, Испания, Австрия, Судеты в Европе; вся Средняя Европа, весь восток и юго-восток ее были поставлены под его все усиливающееся давление и влияние. Получавшееся в результате такой политики громадное увеличение территории и населения, подвластных фашизму, экономического и военного потенциала его то и дело грозило перекрыть те усилия, которые делали в подготовке к войне его будущие антагонисты, и привело, наконец, к такой бешеной скачке вооружений, какой никогда еще не было видано, создало порочный круг, в котором должны задохнуться все страны и все народы, если он не будет так или иначе разорван, а разорван он может быть, кажется, уже только войной...

Разгром Чехословакии потому сыграл роль поворотного момента в истории послевоенной (увы, пожалуй, точнее было бы уже говорить снова: предвоенной)

дипломатии, что им были нарушены все те темпы продвижения фашизма, которые эта дипломатия предусматривала и которые лежали в основе ее военно-подготовительных расчетов. Он разорвал завесу, за которой подготовку к войне можно было выдавать непосвященным народным массам за работу над сохранением мира. С предельной брутальностью он вскрыл неизбежность войны, и притом близкой войны, на том «мюнхенском» пути, по которому до сих пор шла дипломатия демократических держав в своих отношениях к фашизму, и самые эти отношения поставил в плоскость, уже не столько политическую, сколько стратегическую: пришлось думать уже не столько о том, какую политику вести, чтобы еще отсрочить войну, сколько о том, на какой стратегической линии эту войну вести, — на линии Румыния-Польша или на линии Турция-Палестина-Египет, т. е. на Балканском преддверии Средиземного моря и имперских путей Англии-Франции, или на самом Средиземном море.

Так именно поставлен сейчас вопрос и, сколько можно судить, для английского правительства, по крайней мере, он решается в пользу линии Румыния-Польша. И чем неожиданнее оказался для Чэмберлена-Галифакса шок, чем упорнее держались они еще чуть не накануне вступления гитлеровских войск в Чехословакию за свой «мюнхенский» оптимизм насчет темпов, тем лихорадочнее стараются они теперь наверстать потерянное и упущенное, вывести Советский Союз из того состояния изоляции, в которое они-же его так усердно толкали, сколотить англо-франко-советский блок, сплотить вокруг него Польшу, Румынию, Турцию, Югославию, все угрожаемые фашистским «треугольником» страны, мобилизовать его на защиту тех «нейтральных стран» Европы (Швейцария, Голландия, Бельгия), которые Гитлер может избрать, как ворота для вторжения во Францию и для атаки Великобритании, сомкнуться с Соединенными Штатами Америки, — словом создать грандиозную военную силу, о которую разобьются полчища современных фашистских Аттил. И последние официальные заявления французского правительства заставляют думать, что и оно целиком принимает и поддерживает намечаемую ныне Лондоном «твердую» линию.

Таким образом, в серьезности намерений оказать фашистской «оси» сопротивление на линии Румыния-Польша и заставить ее либо капитулировать, либо принять бой на этой линии — сомневаться не приходится. Но удастся ли это намерение осуществить, — это вопрос другой, в ответе на который чрезмерному оптимизму, увы, места быть не может.

Прошлое англо-французской дипломатии тяготеет над ее настоящим. Абиссинская, испанская, мюнхенская политика Англии и Франции породила во всех европейских государствах среднего и малого калибра глубокое недоверие к способности и готовности их дать фашизму решительный бой, хотя бы и с риском войны, раньше, чем дело не дойдет для них самих действительно «до крайности», т. е. раньше, чем они не исчерпают до конца все резервы возможного политического и стратегического отступления своего. Ни у Румынии, ни у Польши нет столь твердой уверенности в том, что именно на их линии, в их защиту будет начат решительный бой с фашизмом, чтобы они пошли на риск — открытым примыканием к англо-французскому блоку немедленно вызвать против себя гитлеровские гром и молнию и погибнуть раньше, чем Англия и Франция захотят или смогут придти им на помощь, как погибла Чехословакия. Эти колебания Румынии и Польши уже сорвали не только проект конференции антифаши-

стской самозащиты, который выдвинуло советское правительство, но и тот проект немедленного опубликования декларации такой самозащиты, который был предложен английским правительством и к которому безоговорочно присоединилась Москва после того, как ее собственный проект оказался неосуществимым. Вместо немедленной декларации, получились затяжные переговоры о ней, потеря времени, которая для Гитлера является огромным выигрышем, ибо каждой минутой этого времени он пользуется, чтобы занимать все новые и новые позиции, шантажировать и заранее налагать свою руку на те страны, которые Англия и Франция только еще собираются от его насилий защищать, как это уже случилось с Румынией, хозяйственные ресурсы которой, в силу нового торгового договора на добрую половину уже перешли в распоряжение гитлеровской Германии, и как это завтра грозит случиться с Польшей, с Югославией, со всеми странами Балканской линии. И рикошетом такое положение отдастся новым усилением «нейтралистских» тенденций и в других странах Европы (Бельгия, скандинавские страны, Голландия, Швейцария).

Но прошлое англо-французской дипломатии тяготеет над ее настоящим еще и в том смысле, что в недрах этой дипломатии, несмотря на проделанный ею крутой поворот, далеко не сошли окончательно на нет те капитулянтские тенденции, вдохновителями которых являются определенные промышленные, торговые и финансовые круги, так искусно использующие в своих целях искренний пацифизм и искренние иллюзии широких трудящихся масс. Эти тенденции, столько непоправимых ударов нанесшие уже и делу мира, и делу защиты демократии, продолжают давать себя знать в непрерывных расчетах на «умеряющее» воздействие не то Гитлера на Муссолини, не то Муссолини на Гитлера, на возможность отделить не то генерала Франко от дуче, не то дуче от фюрера.

Ничто не может быть в этом смысле характернее, как та поистине самоубийственная политика, которую великие демократии продолжают вести по отношению к генералу Франко, и как те судорожные усилия, которые употребляют кое-какие органы печати и кое-какие государственные деятели, чтобы как-то «благоприятно» истолковать грубо издевательскую и нарочито двусмысленную речь Муссолини. Но самым очевидным и в то же время самым опасным образом сказываются эти в то же время самым опасным образом сказываются эти капитулянтские тенденции в том саботаже, которому на деле подвергается выдвинутая Чэмберленом Галифаксом идея «декларации». Под тем предлогом, что колебания Польши и Румынии вызываются, между прочим (и, как можно полагать, отнюдь не главным образом!), теми опасениями, которые внушает им Советский Союз, представители этих тенденций срывают или, по крайней мере, задерживают и тем обеспокоивают осуществление того политического акта — декларации трех держав: Англии, Франции и Советского Союза, который более, чем что-либо, мог бы победить и эти опасения, помимо всех указанных выше, и побудить Польшу и Румынию поставить и свою подпись под этим документом, т. е. фактически войти в анти-фашистский военный союз.

Таким образом создается положение, при котором, вопреки очевидному желанию английского правительства, германо-итальянской «оси» может удасться выиграть еще несколько недель или месяцев, сосредоточить в своих руках все сырьевые ресурсы и стратегические базы восточной и юго-восточной Европы и дать демократическим державам «последний и решительный бой» на бесконечно более невыгодной для них, но бесконечно более выгодной для для фашизма линии средиземно-

морской, — если только Гитлер не предпочтет несомненным стратегическим выгодам этой линии выгоды внезапного, молниеносного овладения Голландией и Швейцарией, как стратегическими базами для столь же молниеносного дальнейшего продвижения по суше во Францию, по воздуху в Англию. Настойчиво возмущаемые им пасхальные «каникулы», которым, как новому «шансу мира», радуются кое-какие политики, но которые подручные Гитлера проводят — Геринг в Италии, а Гэббельс в Греции, на юге Балкан, невольно наводят на мысль, что этот второй, «молниеносный» вариант не совсем исключен из стратегических расчетов фашистских братьев-разбойников...

Как бы то ни было, ощущение и сознание, что мир находится действительно на волосок от войны, становится все больше законом поведения власть имущих, каковы бы ни были их собственные симпатии и социальные притяжения. Только в этой предвоенной атмосфере оказались возможными активизация политики Соединенных Штатов, ставящих в порядок дня вопрос о «нейтралитете», с одной стороны, настойчивое стремление вернуть Советский Союз к активной международной политике, на которое советское правительство и со своей стороны отвечает отходом от политики самозащиты, с другой. Оба эти явления имеют, с социалистически-пролетарской точки зрения, огромную положительную ценность, и должно быть сделано все, чтобы закрепить, поддержать и развить эти новые факторы противодействия фашистской агрессии.

Но активной анти-фашистской политики самой по себе, с той же социалистически-пролетарской точки зрения, еще недостаточно, чтобы поставить фашизм на колени или разбить его на голову в провоцируемой им войне. Мир находится на волосок от войны. Это значит, что мир вступает в полосу катастрофических потрясений, когда на арену европейской и мировой истории выступают снова, как непосредственныедемиурги истории, многомиллионные массы на фронтах и в тылу, который современная техника войны тоже превратит по существу в непрерывный ряд фронтов. Этим массам предстоит решать на десятилетия, быть может, на столетия судьбы Европы и всего мира. Активная анти-фашистская политика социализма только тогда будет стоять на высоте исторических задач, если, используя для борьбы против фашизма все наличные общественные, правительственные и военные силы, она самое использование это поставит на службу великой задаче — сплотить под социалистическим знаменем весь рабочий класс всех стран и собрать вокруг рабочего класса все непролетарские трудящиеся массы, чтобы превратить разгром фашизма в непосредственный пролог социалистического освобождения человечества...

„Мировой Большевизм“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée», Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

С. ШВАРЦ.

Зарботная плата на пороге третьей пятилетки

Вопрос об уровне и о движении заработной платы давно уже принадлежит в Советском Союзе к числу полу-запретных тем. Изредка в печати промелькнут кое-какие суммарные данные о заработной плате. В торжественных случаях официальные ораторы любят щегольнуть цифрами, говорящими о громадном росте заработной платы с 1929, 1932 или 1933 гг. Но систематических данных не публикуется уже несколько лет (хотя они и имеются), а о сколько-нибудь серьезном анализе этих данных и тем более о движении реальной заработной платы даже и заикнуться никто не решается.

На только что закончившемся съезде компартии Молотов с гордостью подчеркнул, что «среднегодовая заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству выросла в 1937 году, по сравнению с 1932 годом, на 113,5%, т. е. более, чем в два раза». Но о том, что в 1932 г. рабочие и служащие расходовали значительную часть своего заработка на покупку товаров по нормированным ценам, а в 1937 г. должны были платить во много раз более высокие государственные цены и цены колхозных базаров, — словоохотливый председатель СНК не проронил ни словечка. А ведь было бы, может быть, полезно вспомнить, что, напр., килограмм масла вместо 16 р. 50 коп. в 1937 г. стоил в 1932 г. (по нормированным ценам) 4 р. 66 коп., кг. сахару вместо 4 руб. в 1937 г. стоил в 1932 г. 95 коп., кг. говяжьего мяса поднялся в цене за это же время с 1 р. 16 коп. до 7 р. 60 коп., а кг. пшеничной муки даже с 19 коп. до 2 р. 90 коп. *). Велико ли после этого

реальное значение повышения среднего уровня заработной платы с 1932 по 1937 г. на 113,5%?

Каков же сейчас уровень заработной платы в Советском Союзе? В 1937 г. в среднем по всему народному хозяйству заработок рабочих и служащих достиг 3.038 рублей, т. е. в среднем в месяц 253 р. 17 коп.; для промышленности в целом средний месячный заработок достиг 242 р. 46 коп., в строительстве 257 р. 25 коп. и т. д. *). В 1938 году уровень заработной платы несколько поднялся и достиг, как об этом сообщил на съезде Сталин, в среднем для всего народного хозяйства 3.447 рублей или в среднем в месяц 287 р. 25 коп. В 1942 г. уровень номинальной заработной платы должен подняться, согласно 3-му пятилетнему плану, на 35% по сравнению с 1937 г., т. е. до 4101 р. в год или 341 р. 18 к. в месяц. При этом 3-й пятилетний план — и это новая черта по сравнению с 1-м и 2-м пятилетними планами — даже и не намечает снижения уровня розничных цен. Таким образом даже и к концу третьей пятилетки реальная заработная плата в среднем должна оставаться на уровне, не очень значительно отличающемся от теперешнего.

Но это только средний уровень заработной платы. Что же скрывается за этими цифрами: 253 р. 17 коп. в

*) Большой цифровой материал о движении цен на продовольственные товары — с указанием советских источников — приводится в № 138 «Бюллетеня Экономического Кабинета проф. С. Н. Прокоповича» (1937 г., ноябрь-декабрь).

*) См. «Плановое Хозяйство» № 3, стр. 163.

Ф. ДАН.

ИТОГИ СЪЕЗДА

По условиям типографской техники писать об итогах съезда приходится раньше, чем успели придти советские газеты с отчетами о последних его заседаниях и об его закрытии. Но для подведения политических итогов съезда это существенного значения не имеет.

Конечно, в докладах и отдельных выступлениях в ходе прений имеется уйма материала, характеризующего экономическое, социальное и культурно-бытовое развитие Советского Союза и отдельных республик, областей и районов его, военный потенциал страны и состояние ее советско-административного и партийного аппарата. И, конечно, материал этот тем более заслуживает внимательного — и, разумеется, критического! — изучения, что советская литература и журналистика становится с каждым годом все скуперее на сообщение фактических данных, могущих дать возможность составить себе сколько-нибудь точное представление о действительном положении и советского общества в целом, и отдельных классов его. Но, поскольку речь идет о политических итогах самого съезда, можно сказать с полным правом (не забывая, конечно, об опубликованных еще задолго до съезда «тезисах» Молотова и Жданова), что съезд не только начался, но и закончился докладом Сталина: все остальное было лишь декорацией, бутафорией и искусно поставленной иллюстрацией к этому докладу.

В самом деле: можно дать премию тому, кто найдет в бурном словесном потоке, в течение двух недель с утра до вечера изливавшемся с трибуны съезда в залу Кремлевского дворца и из залы на страницы советских газет, хоть намек на политическую мысль, нечего, разумеется, и говорить — противоречащую мыслям сталинского доклада, но хотя бы какнибудь их дополняющую и развивающую, вносящую в них хоть какой-нибудь новый нюанс! Утомительное, рабское повторение сталинских — не то что даже мыслей, а слов и тяжелых острот, — вот все, что дали «политического» выступления нескольких десятков ораторов, если оставить в стороне те фактические сообщения, о которых мы говорили выше и которые, конечно, были бы гораздо более уместны на заседаниях советского «парламента» или советских ведомственных коллегий, чем на съезде партии, призванной, как никак, играть роль идейно-политического вдохновителя, организатора и руководителя и государственного аппарата, и трудящихся масс Советского Союза. Идеино-политическая пуста прений оказалась столь абсолютной, что для «заклательного слова» не оказалось никакого материала: от него пришлось Сталину отказаться!

До какой степени нулевой была идейно-политическая роль самого съезда, видно даже из курьезного распределения его апплодисментов. За весьма редкими исключениями, относящимися к военно-патриотическо-

1937 г., 287 р. 25 коп. в 1938 г., 341 р. 18 коп. в 1942 году? Означают ли они по крайней мере в этих скромных пределах повышение жизненного уровня всей массы рабочих и служащих?

К сожалению, и на этот вопрос приходится ответить отрицательно. За последние годы мы переживаем период нового и резкого увеличения разницы в оплате труда различных групп рабочих и служащих: верхний слой рабочих и служащих быстро подымается и одновременно слой этот становится более многочисленным, хотя и сейчас он охватывает лишь сравнительно ничтожное меньшинство рабочего класса. Но быстрый рост заработной платы этой рабочей аристократии приводит к росту данных о средней заработной плате, и при сравнительно скромных размерах повышения среднего уровня заработной платы (см. приведенные выше данные) все это повышение надо, по видимому, отнести за счет возвышения привилегированного слоя рабочего класса при полном застое, а может быть, даже и при попятном движении заработной платы громадной массы рабочих и служащих.

Попытаемся хотя бы приблизительно отдать себе отчет в том, каков сейчас уровень заработной платы основной массы рабочего класса. 287 р. 25 коп. это средний уровень. Но ведь имеются уже тысячи рабочих и служащих, зарабатывающих в месяц 1.000 рублей и больше, а среди руководящего технического и административно-хозяйственного персонала число таких счастливых и тем более значительно. Вот недавно сообщалось, что стахановец - бурильщик шахты № 1 Никитовского комбината Мизин заработал за 1938 г. 31.217 рублей («Труд» от 16-го января), т. е. в сред-

нем в месяц 2.601 р. 40 коп. Шверник на съезде компартии назвал машиниста врубовой машины Беседина, который в среднем за 1938 г. заработал 3.549 рублей в месяц («Правда» от 15-го марта). Это, конечно, редкие случаи. Но вот уже явления иного порядка: Каганович сообщил на съезде, что заработок железнодорожников в среднем для всех рабочих и служащих достиг в 1938 г. 287 р. 90 коп. в месяц, но машинисты товарных поездов заработали в среднем в месяц 846 рублей, а машинисты пассажирских поездов даже в среднем 1.042 рубля («Правда» от 17-го марта). Если принять во внимание, что и высший технический и административный персонал железных дорог оплачивается значительно выше 287 р. 90 коп. в месяц, то сколько же остается в среднем на долю основной массы железнодорожников?

Если принять, что привилегированный слой охватывает сейчас около 15% (а для железнодорожников это, вероятно, не слишком много) при среднем заработке в три раза выше среднего заработка всей армии железнодорожников, то на долю остальных 85% остается лишь 55% фонда заработной платы, т. е. в среднем на одного рабочего или служащего около 186 рублей в месяц. В промышленности дело обстоит едва ли лучше. 150-200 рублей в месяц это, по видимому, средний заработок громадного большинства рабочих и служащих в Советском Союзе. А для многих, пожалуй, и это еще лишь далекий идеал.

Попытаемся хотя бы в общих чертах сравнить заработок русского рабочего с заработком рабочего на Западе. Сопоставлять мы должны, конечно, не номинальные заработки (да и как при современном валютном хаосе сравнивать заработную плату, выраженную в руб-

му самохвалству и слишком очевидно аранжированными на страх врагам, слушатели реагировали аплодисментами не на какие-либо мысли, идеи или планы ораторов, а единственно на упоминание имени все того же «величайшего гения человечества» (Берия), — упоминание, которым каждый выступавший старался с десяток, а то и гораздо больше раз уснастить свою речь и которым обязательно — с провозглашением здравницы, а то и патристического «ура!» — заканчивалось каждое выступление, неизменно вызывая вставание и «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Помимо этого священного «имени» ничто, вплоть до тоже для всех ораторов обязательной ругани по адресу «троцкистско-бухаринских извергов», как будто не могло вывести делегатов из состояния равнодушия, и сама градация аплодисментов, на сей раз, по видимому, разработанная с математической пунктуальностью, должна была свидетельствовать, что с этим именем не могут идти в сравнение никакие другие имена, и что «подхалимаж» отныне действительно становится привилегией единственно самого «Хозяина»: лишь для немногих членов Политбюро допускаются еще «бурные аплодисменты» и даже «овации», да и то с непременным упоминанием, что чувствуются они, как «верные сталинцы»; все прочие должны довольствоваться, по ставшему стандартным выражению, «теплой встречей» — вплоть до нового начальника «нашей славной разведки». Глубокой древностью отзываются времена, когда и «Николаю Ивановичу Ежову» можно и нужно было кричать «ура!»

Таким образом весь ход съезда подтверждает то, что мы констатировали в его преддверии: это не столько восемнадцатый съезд старой, ленинской партии, сколько первый съезд новой, сталинской партии,

партии чиновников, Сталиным выдвинутых на место разгромленного им старо-большевистского партийного и советского аппарата, бюрократов, которые ему обязаны своим социальным возвышением и на «без доли преданности» которых он поэтому считает себя вправе рассчитывать. По возрастному составу из 1569 делегатов съезда с решающим голосом людей моложе 40 лет насчитывается 81,5%, моложе 35 лет — 49,5%; по социальному — 1131 из этих делегатов, т. е. 72,1% работают в аппарате — партийном (659), комсомольском (27), советском и профсоюзном (162), в армии, военном флоте и НКВД (283) — и только 438, т. е. 27,9%, если можно так выразиться, «на производстве» — в промышленности (230), транспорте (110), сельском хозяйстве (63), в области культуры, науки и искусства (35), причем мы, конечно, не ошибемся, если предположим, что и эти работники от станка, паровоза, сохи, пера и т. д. в своем огромном большинстве принадлежат к числу людей более или менее «знатных». Это, несомненно, все люди, которым при Сталине и под Сталиным, на месте, расчищенном им от «старого большевизма», стало жить «лучше и веселее». Тем знаменательнее, скажем мимоходом, что, сколько мы могли заметить, обязательные упоминания об искоренении «троцкистско-бухаринской сволочи» даже в этой аудитории ни разу не могли вызвать хотя бы простых аплодисментов...

«Сталинский» характер новой партии, т. е. превращение ее в слепо-послушное и, по существу, аполитичное орудие выполнения приказов советского единодержавца, выразился, как мы уже отметили, и в самом содержании так называемых «прений», целиком сведшихся, как — не то бесстыдно-льстиво, не то ирониче-

лях, франках, кронах, долларах и т. д.?), а покупательную силу заработка в различных странах. Для ряда предметов потребления у нас имеются сравнимые данные. Приведу их для пшеничной муки, говяжьего мяса, масла (коровьего) и сахара.

В среднем по всей промышленности заработок рабочих и служащих достиг в Советском Союзе в 1937 г. 3.005 рублей при 260 днях фактической работы (см. цитированную выше статью в «Плановом Хозяйстве»), т. е. в день в среднем 11 р. 56 коп. или в час 1 р. 65 коп. Цены на предметы первой необходимости в СССР в 1937 г. приведены выше. Для за-границы воспользуемся данными «Ежегодника статистики труда» Международного Бюро Труда на 1938 год, в котором приведены данные о заработной плате и о ценах на предметы потребления для большого числа стран. Исчислим на основании этих данных, сколько должен работать рабочий в СССР и на Западе, чтобы оплатить соответственно 1 кг. пшеничной муки, мяса, масла или сахара:

Цена в рабочих минутах 1 кг. *)

	муки пшенич.	мяса говяжь.	масла коров.	сахара
СССР	106	277	600	206
Латвия	73	104	324	88
Эстония	49	94	272	84
Польша (1936 г.)	47	133	274	95
Франция (Париж)	26	132	191	29
Дания	17	89	134	22
Швеция	22	94	158	21
Англия	21	103	160	25
США	10	59	85	11

*) Для всех стран, кроме СССР, данные таблицы охватывают лишь заработок рабочих промышленности (часто и транспорта) и лишь советские данные основаны на учете заработка всех рабочих и служащих, включая и высший технический

Сделаем еще один шаг вперед, чтобы облегчить сопоставление заработной платы в СССР и за границей. Если подсчитать, сколько нужно работать в различных странах, чтобы иметь возможность купить по 1 кг. всех четырех перечисленных выше продуктов, получится следующий ряд цифр:

СССР	1.189 р. м.	Дания	262 р. м.
Латвия	589 р. м.	Швеция	295 р. м.
Эстония	499 р. м.	Англия	309 р. м.
Польша	549 р. м.	США	165 р. м.
Франция	378 р. м.		

Даже у наших ближайших соседей, Латвии, Эстонии и Польши, по уровню заработной платы занимающих почти последние места в Европе (ниже их только балканские страны), заработная плата, выраженная в пшеничной муке, мясе, масле и сахаре, по крайней мере в два раза выше, чем в Советском Союзе. Во Франции покупательная сила заработной платы оказывается уже почти в три раза (согласно данным таблицы; в действительности

и административный персонал. Если бы было возможно выделить для СССР заработки рабочих, сравнение оказалось бы для СССР еще более неблагоприятным.

Для Франции данных по стране в целом нет; поэтому пришлось воспользоваться данными для Парижа, более благоприятными — судя по имеющимся данным по отдельным группам рабочих, процентов на 10-20 —, чем средние данные по стране. Для Англии нет средних данных по всем отраслям промышленности, а данные по отдельным отраслям промышленности и по отдельным профессиям дают очень пеструю картину и колеблются от 11 с половиной до 24 пенсов за рабочий час. В основу таблицы положены, как приблизительный средний заработок промышленных рабочих Англии, 14 пенсов, что, вероятно, несколько ниже действительности.

Во всех тех случаях, когда в «Ежегоднике» МБТ показаны две цены на определенный товар (для высшего и низшего сорта мяса или масла), в основу расчетов положена средняя цена.

ски-вредительски — выразился знаменитый Шолохов, «к насилию над «глубочайшей человеческой скромностью товарища Сталина» непрерывными «излияниями нашей любви и преданности ему». Накануне с'езда мы отмечали, что все гигантское изменение и мировой обстановки, и внутреннего положения страны, и политики советского правительства, имевшее место за пять лет, протекших со времени последнего с'езда, прошло без всякого активного участия так наз. «правящей» и «диктаторствующей» партии: она лишь регистрировала «совершившиеся факты». Но случаю было угодно продемонстрировать и на примере самого с'езда это ужасающее бюрократическое вырождение партии. Именно во время сессии с'езда произошел разгром Чехословакии, не только перевернувший европейскую и мировую ситуацию, но, как увидим, побудивший и советское правительство внести существенные изменения в ту линию международной политики, которую за несколько дней до того намечал Сталин в своем докладе. И что-же? С'ездом это изменение не было даже никак отмечено. Делегаты продолжали, как будто ничего не случилось, ораторствовать по старым шпаргалкам, которые, очевидно, уже не было времени переделывать! Трудно было выдать партии более красноречивое свидетельство о политической бедности!

Мы уже имели случай отметить, какую роль в этом низведении партии до послушного «орудия управления» в руках сталинского единодержавия призван сыграть новый, демократически - плебисцитарный устав, единогласное восхваление и принятие которого составляло один из предметов занятий с'езда. Не будем возвращаться к этому вопросу. Но повторим еще раз: если искать политических указаний в работах с'езда,

то их приходится искать единственно и исключительно в докладе самого «творца человеческого счастья» (речь Черноусова).

Само собою разумеется, что доклад Сталина, дающий, кстати сказать, немало статистических таблиц и цифровых данных, констатирует «утверждение социалистической системы во всех отраслях народного хозяйства, подъем промышленности и сельского хозяйства, подъем материального положения трудящихся, повышение культуры народных масс, повышение их политической активности». Обойтись без такой казенно-оптимистической констатации он, конечно, не мог и, главное, она не нова. Но за то нов и потому представляет несомненный политический интерес тот факт, что восторженную декларацию о завершении построения социалистического общества и предстоящем переходе от социализма к коммунизму всемогущий диктатор на этот раз предоставляет «целиком и полностью» своим «верным соратникам» — Молотову, Жданову и др. Наоборот, лейтмотивом его собственного выступления является осторожная трезвость в оценке положения, планов, перспектив, оставляющая за ним возможность, в случае надобности, объявить этих самых соратников неразумными «головотяпами». Обвиняет-же он в «фантастике, если не хуже» тех «работников Госплана старого состава», которые «исходили из возможности среднегодового прироста выплавки чугуна в размере 10 миллионов тонн» и «ежегодного прироста населения в три-четыре миллиона человек», — что не мешает ему, разумеется, держать и до сих пор в тюрьмах и концлагерях тех «работ-

тельности, вероятно, в два с половиной раза), в скандинавских странах и в Англии в 3½-4 раза, в Соединенных Штатах Америки даже в 7 раз выше. В этих условиях нередко только покупка хлеба по сравнительно низким ценам спасает миллионы рабочих и служащих Советского Союза от прямого физиологического недоедания.

**

Присяжные апологеты сталинизма пытаются скрасить бьющую в глаза мизерность оплаты труда в Советском Союзе указанием на громадную роль, которую играет в быту советского рабочего развитие социальных учреждений — детских, больничных и др., особенно санаториев и домов отдыха. В этой области Советский Союз действительно имеет что показать: детских домов, яслей, больниц и особенно санаториев и домов отдыха построено много. Но давно миновало время, когда все это — по крайней мере, в принципе — предоставлялось бесплатно. Сейчас и в яслях, и в детских домах, и в пионерских лагерях нужно платить, как, кстати сказать, нужно платить и за школьные пособия, и для рабочего и служащего с низким заработком это куда как нелегко. Иначе стоит вопрос о домах отдыха и санаториях, проживание в которых обычно оплачивается из средств социального страхования или из средств предприятий. Но положение от этого для громадной массы рабочих и служащих отнюдь не становится легче. И в этом нетрудно убедиться.

Шверник на съезде ВКП сообщил, что пропускная способность санаториев достигла к концу 2-ой пятилетки 320.000 человек в год, пропускная способность домов отдыха 1.800.000, т. е. пропускная способность тех и других вместе 2.120.000 при общем числе рабочих и служащих в стране около 27 миллионов. Это немало, если производить отбор посылаемых в дома отдыха и

санатории по состоянию здоровья, т. е. посылать туда преимущественно больных и слабых. Но у нас уже давно повелось, что отбор для санаториев и домов отдыха производится в первую очередь не по медицинским соображениям, а по соображениям социальной иерархии. Лица, принадлежащие к верхнему слою, материально лучше поставленные и живущие в лучших — часто в прекрасных — условиях, из года в год — нередко с женами — проводят свой отпуск в санаториях и лучших домах отдыха. Для Мизиных и Бесединых с их трехтысячным месячным заработком двери санаториев всегда открыты (бесплатно!). Для высших партийных и хозяйственных кадров и тем более. Где же тут протиснуться в санаторий рабочему или служащему с жалким 150-тирублевым месячным заработком.

**

Лет десять назад резкое отставание заработной платы в Советском Союзе от заработной платы французского, английского или американского рабочего находило себе хотя бы частичное оправдание в огромной разнице в производительности труда у нас и на Западе. За последние десять лет положение в этом отношении заметно изменилось. Если даже отнестись с законным скептицизмом к постоянным уверениям советской печати, будто производительность труда в промышленности Советского Союза (и то же в большей или меньшей степени наблюдается и во всех прочих областях народного хозяйства) поднялась за годы первой пятилетки на 41%, за годы второй пятилетки даже на 82%, всего за 10 лет более, чем в два с половиной раза, — факт громадного роста производительности труда в СССР вне сомнения. Так как на Западе за эти годы про-

ников Госплана» еще более старого состава, которые попали во «враги народа» именно за то, что против «фантастики» протестовали! Но как бы то ни было, сейчас Сталин объявляет народным массам Советского Союза, что «переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе», когда эти массы смогут, наконец, получить «по потребностям», станет возможным лишь тогда, когда «у нас будет изобилие продуктов», когда «наша страна будет полностью насыщена предметами потребления», когда, словом, мы «перегоним» капиталистические страны и «в экономическом отношении», — а «для этого необходимо время, и не малое». «Фантастике» якобы наступившей уже или близкой «веселой и зажиточной жизни» масса кладется таким образом конец. И это первый и очень важный политический вывод из доклада Сталина.

Второй вывод, имеющий не малое значение для оценки не только того «морально-политического единства советского общества», о котором говорил Сталин, но и «морально - политического единства» его собственной партии, заключается в том, что и для Сталина, и для всех других докладчиков и ораторов оказалось необходимым много усилий положить на оправдание той кровавой расправы, которую диктатор учинил над партийными «извергами» — «шпионами, убийцами и вредителями». Задача эта была, очевидно, не легка, и Сталин, чтобы облегчить ее, решил «поиздеваться» над пошлой болтовней о «разложении», которое эта расправа внесла в советский строй. Но этим «издевательством» ему даже у своих на все готовых слушателей ни одного разу не удалось сорвать аплодисментов, и только один раз смог он выжать у них «смех», да и то без сакраментальной отметки: «бурный». Но зато он увлекся в сторону

аргументации, которая звучит настоящим злым издевательством и над советским строем, и над самим его самодержцем. В самом деле: «в 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги», а «после этого» выборы в Верховный Совет СССР «дали советской власти 98,6 процента всех участников голосования». «В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги». И что-же? Стало еще лучше и веселее: выборы в Верховные Советы союзных республик дали советской власти уже «99,4 процента всех участников голосования». Сталину надо, очевидно, лишь еще кое-кого дорезать, чтобы обеспечить советской власти все 100 процентов! Так, что-ли?

Сам Сталин этого вывода, конечно, не делает. Он лишь призывает — несмотря на «99,4 процента!» — еще и еще раз «укреплять нашу социалистическую (!) разведку». Этот призыв достаточно характеризует истинную цену разглагольствований о невиданном «морально-политическом единстве» советской страны. Но он стоит в неразрывной связи с теми дополнениями к «теории социалистического государства», которые всеми ораторами съезда признаны новым и архи-гениальным вкладом Сталина в марксистскую науку.

Суть сталинских дополнений сводится к тому, что отмирание государства станет возможным лишь тогда, когда не только сама страна будет социалистической, но и ее мировое окружение перестанет быть капиталистическим и превратится в социалистическое. Пока этого нет, «сохраняется полностью функция военной защиты страны от нападений извне» и, следовательно, должно сохраняться государство.

изошли сравнительно небольшие изменения в уровне производительности труда, разница между уровнем производительности труда у нас и за-границей резко сократилась. Советская печать, явно перехлестывая, все чаще начинает даже утверждать, что по уровню производительности труда Советский Союз догоняет или даже уже догнал самые передовые в отношении производительности труда европейские страны и значительно отстает лишь от Соед. Штатов Америки. В последней книжке «Планового Хозяйства» можно, напр., прочитать, что в 1928 г. уровень производительности труда в Советском Союзе достигал всего лишь 16% американского, 45% германского и 55% английского уровня; но в 1937 г. соотношения сложились уже для СССР гораздо более благоприятно: по отношению к США 40%, по отношению к Германии 97%, по отношению к Англии даже 103%, т. е. уровень производительности труда в Советском Союзе будто бы даже выше английского и почти равняется германскому. Это по промышленности в целом (в ценностном выражении, что всегда очень спорно). Но вот данные по некоторым отраслям промышленности, исчисленные по натуральным показателям. По углю (производительность труда в смену) СССР достиг в 1937 г. 54% американского уровня, 80% германского и 100% английского; по выплавке чугуна (производительность труда за год) 47%, 128% и 143%, по машиностроению 41% американского и 108% германского уровня, по хлопчатобумажной промышленности 40% американского уровня по прядению и 38% по ткачеству и соответственно 71 и 75% английского уровня. Как исчислены эти данные, составляет, правда, секрет «Планового Хозяйства», и мы лишены возможности их проверить. Но одно во всяком случае стоит вне сомнения: об огромном отставании уровня производительности труда светских рабочих от рабочих Запада говорить

больше нельзя. Но тогда тем более не находит себе уже никакого оправдания чудовищное отставание Советского Союза в отношении оплаты труда.

В той же книжке «Планового Хозяйства», из которой мы заимствовали только что приведенные данные, в статье, посвященной «социалистическому накоплению в третьей пятилетке», освещается вопрос о расходе на заработную плату в себестоимости промышленной продукции в Советском Союзе. В 1932 г. доля заработной платы в себестоимости достигала 32,8% (для 1928 г. «Плановое Хозяйство», к сожалению, не сообщает данных, но так как производительность труда за годы первой пятилетки заметно возрасла, а реальная заработная плата упала, доля заработной платы в себестоимости продукции была к началу первой пятилетки несомненно выше, чем к концу ее), в 1937 г. уже только 22,9% и к 1942 г. намечается дальнейшее сокращение до 21,5%. До такого низкого уровня доля заработной платы не опускается, вероятно, нигде. В той же статье «Планового Хозяйства» неосторожно приводятся данные о структуре отпускной цены фабрично-заводской продукции в Соединенных Штатах Америки. Отпускная цена, конечно, выше себестоимости, но даже в отпускной цене (по промышленности в целом) заработная плата рабочих равнялась в 1932 г. 28,2%, в 1929 г. 24,6%, в 1931 г. 24,7% и кроме того «жалование персоналу» составляло соответственно 7,7%, 8,9% и 12,5% (расход на жалование персоналу в 1931 г. был особенно высок, так как в годы кризиса расходы на административный аппарат неизбежно относительно возрастают). Но расход на заработную плату охватывает в Советском Союзе и расход на оплату аппарата управления; поэтому при сравнении американских и советских данных нужно для США брать

Эти банальные мысли трудно, конечно, признать гениальными, но они, несомненно, верны и именно поэтому выдвигают вопрос, от ответа на который сталинский доклад благоразумно воздержался: если капиталистическое окружение напирает на Советский Союз со все возрастающей силой и заставляет его, в свою очередь, все больше сил и средств затрачивать на военное дело, то не рассыпается ли прахом другая «гениальная теория товарища Сталина» — теория о «социализме в одной стране»? Как может быть осуществлен социализм и, еще дальше, переход от социализма к коммунистическому распределению благ «по потребностям», когда все возрастающая доля производительных сил общества уходит на вооружение и потому возрастающая бедность благами потребления становится законом его существования? И второй вопрос, практически еще более важный: если капиталистическое окружение навязывает советской стране сохранение государства, то почему это «социалистическое» государство должно, чем дальше, тем больше приобретать характер тоталитарно-полицейский и единолично - диктаторский, раз что советское общество являет невиданный доселе пример морально - политического единства и «99,4 процента» его уже сейчас готовы не за страх, а за совесть поддерживать советскую власть? Как бы велика ни была военная опасность, которую грозит Советскому Союзу его капиталистическое окружение, неужели наличие среди этого «беспредельно - преданного» народного моря жалкой «кучки» — допустим даже подлинных «шпионов, убийц и вредителей» может, не говорим оправдать, но хотя бы объяснить ту тотальную монополизацию слова, печати, собраний, организации «верными сталинцами», тот тотальный чекистский произвол, о котором свиде-

тельствуют миллионы тюремных сидельцев, концлагерников, ссыльных, те оковы тотальной несвободы и политического бесправия, которые наложены на всю страну и которыми и характеризуется прежде всего сохраняющееся сталинское государство?

Но оставим риторические вопросы и констатируем, что и Сталин говорил на съезде о государстве не ради обогащения марксистской науки, а ради весьма практической и политической цели. Икону «теории» ему пришлось поднять лишь для того, чтобы убедить своих слушателей все в том-же, в чем он старался убедить их, оправдывая свои расправы с большевистскими «извергами», и в чем убедить их было, очевидно, не легко, а именно — в том, что надо отказаться от «недооценки разведки», от «болтовни о том, что разведка при Советском государстве — мелочь и пустяки, что советскую разведку как и само Советское государство, скоро придется сдать в музей древностей».

Вот в этом отождествлении советского государства с советской разведкой и заключается политическая суть гениальной сталинской «теории»: растут и развиваются производительные силы Советского Союза, исчезают эксплуататорские классы и советское общество становится социально - однородным обществом трудящихся, повышается культурный уровень советских народных масс и крепнет их морально-политическое единство, завершается строительство социализма и намечается переход к интегральному коммунизму, — все течет, все меняется, только «самодержавие мое остается, как встарь», и, как встарь, «разведка» остается его главным орудием управления, — вот та подлинная внутренне-политическая мысль сталинского доклада, которую лишь

данные по обеим статьям (заработная плата и «жалование персоналу»), а это составит для 1923 г. 35,9%, для 1929 г. 33,5%, для 1931 г. 37,2%. Контраст с СССР громадный.

В Англии расход на заработную плату, не считая расхода на оплату административного персонала, и валовой стоимости промышленной продукции (включая и горное дело) достиг в 1930 г., по данным официальной анкеты, в среднем 32,5% *). В Бельгии, по данным предпринимательской анкеты 1930 г., расход на заработную плату достиг в угольной промышленности 57%, в металлургии 25%, в металлообработке 29%,

*) Исчислено по таблицам «DOSSE» (1937 г. № 43).

в химической промышленности 15%, в текстильной промышленности 30% и т. д. **). Как ни приблизительны все эти данные, они все же позволяют сделать несомненный вывод: в Советском Союзе расход на заработную плату рабочих и служащих (в себестоимости промышленной продукции), включая и весь руководящий персонал, значительно ниже, чем расход на заработную плату одних рабочих за границей. В этом суровый приговор всей системе сталинской политики заработной платы.

***) См. табл. «DOSSE» 1937 г. № 99.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературно-революционные портреты

4. Михаил Шолохов.

В статье «О сегодняшнем и о современном», Евгений Замятин, один из зачинателей советской литературы, упрекал ее в том, что «сегодняшнее» довлеет в ней над «современным»: «Сегодняшнее жадно цепляется за жизнь, не разбирая средств: надо торопиться: жить только до завтра». Отсюда, по мнению писателя, в современной литературе столько «юркости, угодливости, легковесности, боязни копнуть на вершок глубже, боязни увидеть правду голой» (1924 г.). «Современное стоит над сегодняшним, оно может с ним диссонировать, оно может оказаться (или показаться)

близоруким — потому что оно дальноручко». Но подлинное «тело нашей правды» потомки узнают только из тех произведений, которые отражают не быстротекущее «сегодня», а дышат «современностью», «со всем, что в ней есть отвратительного и прекрасного».

Эти мысли Замятина приходят на память, когда пытаешься охватить значение и творческий облик самого талантливого советского писателя, Михаила Шолохова. Больше чем в ком-либо ином есть «современное» в его творчестве.

Член Верховного Совета и член Академии Наук, Шолохов при всей своей популярности один из самых не-

маскируют его экскурсии в область «некоторых вопросов теории».

Правда, советским гражданам в утешение декларируется еще одна «теоретическая» истина: ныне, во «второй фазе» социалистического государства, армия, карательные органы и разведка «своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов». Но, ведь, «по сути дела» это значит лишь, что в этой «второй фазе», идя в истребительный поход на «супротивных», разведка будет всех их, от основоположников большевистской, ленинской партии до последнего захудалого «инакомыслящего», объявлять «шпионами, диверсантами и агентами Гестапо»: штука старая, которую знал еще раблезианский монах Горенфлю, с помощью этой самой гениальной «теории» превращающий скоромного порося в постного и дозволенного к с'едению караса...

Приходится таким образом прийти к выводу — далеко, впрочем, не неожиданному! — что никакого изменения существующего режима, никакой действительной демократизации его сверху ожидать нельзя, — в виду нарастающей военной опасности, уверяет Сталин; несмотря на нарастающую военную опасность, скажем мы: ибо, если верно, что не оружие, как бы обильно и совершенно само по себе оно ни было, а лишь воля, идеи, настроения людей, которые держат это оружие, дают победу, и если верно, как сам Сталин признал, что «моральная поддержка трудящихся всех стран» является одним из важнейших факторов международной мощи

Советского Союза, — то ничто не могло бы и с внутренне-, и с внешне-политической точки зрения в такой степени содействовать спасению мира, если он еще может быть спасен, и победе Советского Союза в войне, если война уже не может быть предотвращена, как превращение Советской страны в государство действительной демократии, свободы, культуры, во имя которых социалистический пролетариат всех стран старается мобилизовать десятки миллионов трудящихся на борьбу с несвободой и варварством тоталитарных диктатур фашизма. Это — истина, настолько очевидная и о которой мы столько раз уже говорили, что можем не возвращаться к ней.

К сожалению, эта истина не нашла ни малейшего отражения ни в докладе Сталина, ни во всем, что говорилось и делалось на с'езде, хотя вопросы международного положения Советского Союза играли доминирующую роль и во всех занятиях с'езда, и в самом сталинском докладе.

Мы имели недавно случай характеризовать те тенденции, которые за последнее время начали все явственнее сказываться во внешней политике сталинской диктатуры и которые сводятся, с одной стороны, к вытравлению из этой политики всех элементов революционно-пролетарского характера и окраске ее в цвета самого вульгарного «национал-патриотизма» и, с другой, к стремлению из беды «изоляции», на которую обрекала Советский Союз близорукая политика господствующих классов Англии и Франции, сделать своего рода добродетель и попытаться, в свою очередь, укрыться за стеной нейтралитета от военных бурь, которые могли бы обрушиться на Запад. Эти тенденции были полностью выражены в международно-политической части сталин-

изученных современных писателей. Дымка таинственности витает над его жизнью. Шолохов — единственный писатель, выдвинутый революцией, который остался жить в родной станице, не облазившись шумной славы столицы. Он редко выступает с речами и докладами, хотя у себя в Донской области принимает в качестве члена райкома деятельное участие в общественной жизни. Известен он еще и тем, что он отличный семьянин, у него трое детей, он — нежный отец.

Неяркое было дебют Шолохова: «Донские рассказы» (1925 г.), посвященные жизни казачьей станицы и процессам социальной дифференциации, не возбудили особого внимания, несмотря на свежесть и образность их языка. Тема социальной дифференциации была в годы нэпа «дежурной» темой всех писателей, писавших тогда о деревне. Шолохов двинулся в литературу по уже проторенной дороге. Но отсутствие оригинальности и даже некоторая склонность к шаблону — характерны не только для его первенца, от этих недостатков несвободно и самое крупное, поныне еще незаконченное творение — «Тихий Дон».

Первый том романа появился в самом начале первой пятилетки (1928 г.) и сразу, почти безоговорочно признан был выдающимся произведением. Надо на минуту вернуться к той поре, предшествовавшей «второму наступлению революции», когда воздух стал накаляться самой безудержной радикальной фразой, чтобы во всей полноте ощутить «несозвучность» романа именно тогдашнему «сегодня». В центре «Тихого Дона» — жизнь, быт и нравы богатой казачьей станицы дореволюционного периода. В этот неторопливый, себе доверяющий мир с его горестями и радостями врывается мировая война. Первый том заканчивается 1915 годом, 2-ой — началом 1918 г. В первый год пятилетки такая тема объективно не могла не восприниматься, как «историче-

ская». Но было что-то в этом романе, диссонировавшее с тогдашним «сегодня», которое все-же заставило критику поставить на нем пролетарскую визу, обрвав роман замечательным произведением «пролетарского писателя», хотя читателя с первых же строк плотно обхватывал запах зажиточной жизни, поражала органичность связи писателя именно с этим миром.

Это «что-то», заставившее официальную критику покривить душой и назвать роман «пролетарским», чтобы тем самым обеспечить ему быструю популярность, — вовсе не исчерпывалось высокими художественными достоинствами произведения. Искусство всех времен и народов знает немало образцов высокого мастерства, остающихся в тени. Чтобы быть замеченным и вознесенным современниками, произведение искусства, помимо своей правдивости, должно быть в заговоре со своим временем, должно уметь выразить те из его запросов, надежд и чаяний, которые почему-либо не могут быть выявлены прямо и без обиняков.

«Тихий Дон» отвечал скрытой потребности нового, тогда только начавшегося формироваться общества ощутить революцию как прошлое, в котором можно уже разбираться, не боясь быть за это объявленным «контрреволюционером». Наряду с самой радикальной фразой, метелицей вывешенной на улице умиравшего нэпа и оказавшейся победительницей в пятилетку, внутри советского общества подспудно жило органическое стремление к завершению революции, к устройству жизни на новых, революцией уже созданных основах.

Шолохов не новатор, не художник-революционер, ломающий литературные каноны, сумбурно, но страстно набрасывающий контуры нового в искусстве. По своему своему письму Шолохов крупный завершитель, полнокровный наследник старого литературного богатства. Имен-

ского доклада. Им несколько не противоречит заявление, что «мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины», если это заявление сопровождается двумя другими, смысл которых сводится к тому, что все отношения с другими правительствами и режимами определяются в зависимости от отношения этих правительств и режимов к «интересам нашей страны», к «интересам целостности и неприкосновенности наших границ»: любой «Чемберлен» не мог бы говорить и фактически никогда не говорил иначе. Как и любое архи-буржуазное правительство, правительство Сталина отнюдь не ставит свое внешней политике задачу систематического собирания мировых сил, способных начать и последовательно провести борьбу против фашизма, как определенной социальной формации, по самой природе своей не могущей не создавать все более грозной военной опасности, да внутренняя политика сталинского режима делает для него и невозможной проведение такой внешней политики, заставляет его ограничивать свою внешнюю политику задачами национал-патриотического характера в самом узком смысле этого слова.

То, связанное с разгромом Чехословакии, изменение всего международного положения, о котором мы упоминали выше и которое произошло в самый разгар сессий с'езда, переломив линию Англии и Франции на «изоляцию» Советского Союза, переломило, как говорит передовая статья этого же номера, и линию самого сталинского правительства на «самоизоляцию». Этот поворот, если ему суждено последовательно развиваться, может иметь громадное значение для всего хода международных событий. Но «национально-патриотической» ограниченности сталинской внешней политики он сам по

себе не отменяет и отменить не может: без коренного поворота и в политике внутренней такая отмена невозможна.

Поскольку только что закончившийся с'езд был не чем иным, как эманацией политической мысли и воли сталинского единодержавия, надо признать, что, с социалистически-демократической точки зрения, он в области внешне-политической дает также мало оснований для оптимистических надежд, как и в области внутренне-политической. Социалистически-демократический оптимизм можно черпать лишь в тех великих исторических процессах, которые, толкая трудящиеся массы Советского Союза, как и всего мира, на борьбу с фашизмом, внешним и внутренним, как последней политической формой умирающего капитализма, будет тем самым толкать их, помимо и вопреки сталинскому единодержавию, к построению социалистического государства, основным устоем которого будет не «наша славная разведка», а свободная и организованная воля самих этих масс.

Но этого рода тенденции, которые, несомненно, зреют в трудящихся массах и, достигнув известного напряжения, позволят им и сталинские «конституции» (советскую и партийную) превратить из орудий плебисцитарного обмана в орудия борьбы за подлинную демократию, ни малейшего выражения на с'езде не нашли и найти не могли. Не надо забывать: голос народных масс не звучал и не мог звучать на с'езде, ибо самый с'езд был с'ездом лишь ничтожной части советского общества — его бюрократической верхушки.

но этим качеством он пришелся особенно ко двору непозовскому обществу, которое тогда впервые поставило на обсуждение вопрос о «культурном наследстве», оживленно дискутировало проблему «учебы у классиков». И вдруг в литературу пришел человек с произведением, которое своим охватом, красочностью, образами действительно являлось законным наследником лучших писателей до революции, находилось в отдаленном, но несомненном родстве с «Войной и миром» Л. Толстого.

Верхи непозовского общества пленились, однако, не только художественными достоинствами «Тихого Дона».

К тому времени в советской литературе имелось уже изрядное количество произведений, посвященных отображению деревни в революции. Но их авторы, в большинстве своем принадлежавшие к старому поколению писателей, сформировавшихся до революции, изображали деревню по-старинке: со слезой в голосе. Над их произведениями все еще витал дух Антона-Горемыки, занесенный в литературу Григоровичем, в них доживала некогда мощная народническая традиция, главной своей целью ставившая себе пробуждение в обществе сочувствия к бедственному положению деревни. Новое, после революции начавшее формироваться общество само вышло из народа, да оно и не очень поддавалось бы на жалостливую агитацию.

И вот тут пришел Шолохов. Он первый радикально порвал с народнической традицией в литературе. «Тихий Дон» — не бедный родственник, за которого надо ездить хлопотать в далекий город, выпрашивая внимание и снисхождение. Действующие лица «Тихого Дона» в передаче Шолохова такие же полноценные люди, какими являются персонажи Толстовской эпопеи. В ощущении Толстого его герои являются «солью земли» своего времени, т. е. представителями класса, который, строя свою жизнь, в то же время выполняет общенациональные задачи своей эпохи. Именно поэтому, читая «Войну и мир», забываешь, что здесь показаны «верхи общества». Читатель воспринимает героев Толстого, как своих близких, дорогих ему людей. Но то же самое происходит с ним, когда он вчитывается в «Тихий Дон». Читатель сразу сближается со всем семейством хромонного Пантелея Мелехова, вникает во все горести и радости этой семьи, с первых же строк привязываясь к любимцу Пантелея — младшему сыну Григорию, в котором чувствует живую, ищущую непоседливость. Только художники, ощущающие свою кровную связь с классом, на долю которого выпало решение больших национальных задач своего времени, умеют живописать своих людей с такой влюбленной внимательностью, наделять их такой полнозвучной гаммой чувств и страстей.

«Тихий Дон» — большая река, только течет она не по мирной местности, а среди страны, объятой пламенем войны и революции. Простым, земляным людям надо решать большие проблемы большой эпохи, и они решают их медленно, думая в поте лица, мучительно колеблясь, и все же решают. Вот тот политический пафос, который несет эту раскинувшуюся на полторы тысячи страниц эпопею. Вот отчето роман этот не мог не встретить громкого отклика в современниках.

Вздыбленность, смятенность эпохи сразу оттенена страстной напряженностью личной жизни главного действующего лица романа — молодого Григория Мелехова. В эту напряженную обстановку врывается мировая война, когда «по артериям страны, по железным путям к западной границе погнала взбаламученная Россия серошинельную кровь». Оба сына Мелехова на вой-

не, оба отличаются храбростью, но разные чувства возникают в обоих братьях. Когда раненый Григорий в госпитале узнает из бесед с солдатом Гаранжей о настоящих виновниках войны, у него такое чувство, будто он до сих пор жил слепым и вдруг прозрел. Правда, приехав на побывку в родную станицу, завидя родной курень, вдыхая запахи земли, Григорий чувствует, как «свое, казачье, национальное, всосанное с материнским молоком, кохаемое на протяжении всей жизни, берет верх над большой человеческой правдой», которую раскрыл ему Гаранжа.

2-ой том «Тихого Дона» посвящен мировой войне и началу революции. Довольно подробно останавливается Шолохов на характеристике сепаратистских настроений, развившихся среди казачьего офицерства под влиянием военных поражений и начала революции. Повидимому, настроения эти в ранней юности как-то волновали и самого Шолохова. Это чувствуется по теплоте, с которой зарисован образ молодого казачьего офицера Атарщикова, влюбленного в романтику казачьего прошлого, во внимании, с которым писатель передает мысли другого офицера-сепаратиста, Изварина, пытающегося склонить на свою сторону Григория. Изварин доказывает Григорию, что казачеству не по пути с Россией, симпатии к большевизму в казачестве поверхностны и вызваны только тем, что казаки польстились на обещание большевиков кончить войну. Хотя многое в мыслях Изварина не совсем понятно Григорию, кое-что оставляет след в его душе и скажется еще позже.

Слабее всего в романе фигуры сознательных коммунистов: Штокман, Бунчук, Лагутин, Валет — неубедительные, мертворожденные схемы, а не живые люди. Как только Шолохов прикасается к ним, его начинают преследовать неудачи, деревянеет язык, суха и неповоротлива становится обычно гибкая, как лоза, Шолоховская фраза. Это тем более поразительно, что Шолохов — коммунист и естественно хочет вызвать симпатию в читателях к своим товарищам. Шолохов-коммунист выбивается из сил, а Шолохов-художник саботирует все намерения партийца, в целом получается конфуз. Внутренняя причина этого «неумения» Шолохова в том, что он всем своим крестьянским нутром не очень ценит радикализм и революционность людей деклассированных, которым «ничего терять». Превосходно передано это в сцене, когда Валет и другие коммунисты убеждают вернувшихся с войны «красными» казаков перед занятием станицы белыми, уйти из дому и прикнуть к красным отрядам. Григорий, как и его товарищи, хотя и стыдятся себя, все-же наотрез отказываются идти с Валетом. Григорий даже говорит Валету: «Ты не сепети! Твое дело другое: ни спереду, ни сзади — снялся, да пошел. А нам надо толком обдумать... Он померчал черными, озлевыми вдруг глазами и, хищно оголяя плотные, клыкастые зубы, крикнул: «Тебе можно языком трепать, засранец! Как был ты Валет, так и остался им! У тебя, кроме пинжака, ничего нету...»

События, происходившие в Советском Союзе в связи с первой пятилеткой, заставили Шолохова временно оборвать «Тихий Дон». В 1932 году вместо 3-го тома эпопеи он дал «Поднятую целину», целиком посвященную отображению коллективизации на Дону. При всех достоинствах этого произведения, при всем его реализме, в художественном отношении оно слабее «Тихого Дона». «Поднятую целину» писал талантливый партийный работник, убежденный в том, что сельское хозяйство страны нуждается в быстрой и коренной реформе, в модернизации сельского труда. Массы крестьянства этого не понимают, сопротивляются этому — тем хуже для этих масс. Значит, массы не понимают своих «далеких» выгод, и нужно провести эту ломку

против их воли, на следующем этапе осторожно выправляя допущенные ошибки и перегибы. Такова философия романа, которая делает понятным, почему Шолохов в этом романе не мог дать в качестве центральной фигуры казака-хлебороба, ратующего за колхоз; в качестве центральной фигуры дан только вдумчивый партиец Давыдов.

Только откликнувшись на злободневные события деревни, вернулся Шолохов к своему любимому детищу. 3-ий том «Тихого Дона» — зенит таланта художника. Он весь посвящен тому отрезку гражданской войны, который известен в истории революции, как борьба Донского казачества за свою независимость. Шолохов и здесь осмелился порвать с официальной рутинной, изображавшей все движение против революции, как борьбу за реставрацию старого режима. Он умел показать, как в своих истоках борьба казачества питалась отнюдь не только реставрационными стремлениями, что решающую роль в ней сыграли демократические навыки хозяйственно более самостоятельных, более культурных, чем основной массив русского крестьянства, казаков.

В процессе этой борьбы, однако, вскоре стало выясняться, что казачеству, если оно останется изолированным, борьба эта не по плечу, и командование вновь пошло на переговоры и на союз с белой армией. Внутренне мечущийся, «блуждающий как метелица в степи», Григорий недоверчиво относится к этому союзу: «неправильный у жизни ход» — признается он жене — «замириться бы с красными... А как? Кто нас сведет с советской властью? Как нашим обчим обидам счет произвести?»

Развязка должна притти в последнем 4-ом томе, пока еще не законченном. Но опубликованная часть этого последнего тома свидетельствует о том, что тема большой народной революции в нем снижена. В 4-ом томе «Тихий Дон» исподволь меняет свое русло, с большой путины народной революции сворачивая на областную тему: реабилитации не очень почетного прошлого русского казачества. Поставив себе основной задачей 4-го тома примирение казачества с советской властью сегодняшнего дня, Шолохов смазывает окончание своей эпопеи романтическими реми-

нищенциями о революционном прошлом казачества, которое будто бы сыграло главную роль в решении Григория не уходить с белыми к Черному морю. Конечно, народ, потерпев поражение, не эмигрирует. Народ остается. Но разве для того, чтобы показать казачество коленопреклоненным, написаны были полторы тысячи страниц этой изумительной эпопеи? И, если борьба казачества была только «бесславна», — зачем же истратил на ее изображение художник лучший жар своей души?

Нет, тут что-то не так. Тут Шолохов поддался директивам «сегодня», забыв, что настоящий художник слушается только директив «современного». Конечно, сегодняшнему обществу, инстинктивно боящемуся крестьянства, особенно лестно из уст самого Шолохова услышать, что крестьянство, потерпев поражение, смирилось. Здесь, между прочим, лежит ключ к пониманию того, почему Шолохов и на сегодняшнем этапе удержал завоеванные им некогда в нэповском обществе позиции и не сброшен с «корабля современности». Но от того, сумеет ли еще Шолохов на языке своих убедительных образов показать, как, потерпев поражение, казачество, а с ним и массы русского крестьянства бьются над неразрешенным вопросом о крестьянской воле, будет зависеть, — останется ли Шолохов певцом только крепкого казачества, или займет почетное место в пантеоне русской революционной литературы.

Р. С. В качестве единственного представителя советской литературы, Шолохов выступил на только что закончившемся 18-ом съезде ВКП. Речь эта не делает чести Шолохову. И он не удержался от надругательства над жертвами сталинско-ежовского террора с обязательным «спасибо Сталину». Это штамп, который, может быть, воспринимается в Советском Союзе чисто механически, и в этом, пожалуй, «смягчающие вину обстоятельства» и для Шолохова. Но что выделило речь Шолохова из потока скучного официального красноречия на съезде это — вероятно, даже вопреки намерениям Шолохова — какой-то оттенок искренней элегичности, грусти по поводу увядания литературы на каменистой почве сталинского произвола. Как ни пытается Шолохов удержаться в казенном русле, большой художник оказывается в нем сильнее маленького и запуганного партийца.

Р. АБРАМОВИЧ.

Может-ли Германия победить в грядущей войне? (Окончание)

Охарактеризованное выше крайне неблагоприятное для германской коалиции соотношение между ее промышленно-сырьевым и продовольственным коэффициентами и коэффициентом демократических стран не может быть изменено ни теми химическими изобретениями, которые дают возможность наладить фабрикации синтетических продуктов, в частности — нефти, ни теми «узкими местами», которые имеются, напр., в хозяйственных и продовольственных условиях России, составляющей ведь весьма существенную часть демократического блока.

Что касается фабрикации синтетической нефти, то основным сырьем для этого производства является уголь (бурый уголь), а главным видом энергии — электричество. Чтобы добыть одну тонну синтетической нефти необходимо израсходовать 4,5 тонны угля и огромное количество электрического тока, для получения которого опять-таки необходимо затратить уголь. Так как

количество нефти, необходимое крупной державе для ведения войны, исчисляется примерно в 15-20 милл. тонн, то на производство этой нефти Германии пришлось бы затратить огромный процент (50-70%) всей своей добычи угля, что очевидно является совершенно исключительным. Если же Германии придется еще нефтью снабжать свою союзницу Италию, не имеющую ни угля, ни нефти, то положение станет еще более сложным и безвыходным.

Как мы уже указали, экономические и продовольственные затруднения Германии до некоторой степени компенсируются теми затруднениями и недочетами в области транспорта, продовольствия и общей организации промышленности, которые безусловно имеются в Советской России, несмотря на относительные успехи, достигнутые в области промышленности сталинским режимом за последние годы. Сравнительная редкость железно-дорожной сети России и недостаточная нала-

женность транспорта давно уже являются одним из наиболее слабых пунктов в военном потенциале России (в России на 1 кв. км. поверхности приходится 0,0045 км. жел. дор., между тем как в Соед. Штатах — 0,05, т. е. в 11 раз больше, в Германии — 0,114, а во Франции — 0,076, т. е. соответственно в 25 или 17 раз больше!).

Чрезвычайно «узким местом» в военно-продовольственном хозяйстве России является, по мнению Штернберга, который ссылается при этом на немецкие военные авторитеты, все возрастающая зависимость русского сельского хозяйства от индустрии, благодаря коллективизации и механизации русской деревни. Переход к коллективизации, — пишет известный немецкий военный писатель Хаудан, — обозначает переход от коня и вола к трактору. Но количество лошадей и тяглого скота за период коллективизации настолько уменьшилось, что русское сельское хозяйство сейчас целиком зависит от трактора, т. е. от промышленного сектора русского хозяйства, и от нефти. Конечно, с точки зрения узко военно-технической наличность 300.000 готовых тракторов в России представляет собой огромный плюс, если принять во внимание, что мотор для трактора тот же, что и для танка. Но под углом зрения более широкого подхода к хозяйственно-продовольственным перспективам России во время войны, этот плюс превращается в столь же огромный минус. Если бы русское сельское хозяйство держалось, как в прежние времена, на коне, воле и плуге, то на него не пришлось бы тратить ни столь драгоценных во время войны запасов железа, стали, цветных металлов, ни квалифицированных рабочих рук, ни машин, ни станков и ни, в особенности, нефти (которую, вдобавок, надо привозить издалека, с Кавказа!). Ныне же на производство необходимого количества хлеба (которого, кстати, все еще меньше, чем следовало бы!) должен будет работать значительный сектор русской промышленности: и на него придется затрачивать значительную часть нефтяной продукции, которая при всех своих успехах (26-27 милл. тонн) все-же еле будет в состоянии покрывать потребности одной только армии и военной индустрии России во время войны. Если к этому прибавить тот общеизвестный факт, что молодая русская промышленность не обладает достаточным количеством квалифицированных рабочих рук и технических кадров, что процент брака в советской промышленности исключительно большой, что значительное число мотористов, шоферов, механиков, монтеров придется оставить в деревне при механизированном сельском хозяйстве, между тем как они до зарезу нужны будут и на фронте, для обслуживания военных машин, и в тылу, на заводах, работающих на оборону, — то станет ясно, в каком трудном положении должна будет оказаться Советская Россия в случае долгой и затяжной войны. Но, как уже было указано выше, трудности, которые несомненно будет испытывать Россия в случае мирового конфликта, ни в какой мере не спасают Германию от неизбежного разгрома. Это имело бы место лишь в том случае, если бы Россия была вынуждена вступить в единоборство с Германией, не имея за собой поддержки других стран с более мощным промышленным потенциалом; или-же в том случае, — прибавим мы, — если бы, — как думают иные социалисты, увлекающиеся успехами Сталина, — в будущей войне на долю России выпала роль основной, ведущей силы, вынужденной на своих плечах таскать более слабых союзников (Францию, Англию и др.). К счастью, оба этих гипотетических случая представляются в данный момент совершенно невероятными. Если мировая катастрофа разразится, — то это по всей нынешней обстановке не будет

ни войной одной России против германского блока, ни тем более войной, в которой России придется играть роль промышленно-технического гегемона, обслуживающего других более слабых союзников оружием, продовольствием, сырьем и т. п. Наиболее вероятной комбинацией в случае войны является та, когда на одной стороне будет стоять итало-германо-японско-венгерская коалиция (плюс, может быть, несколько других мелких государств), а на другой стороне — блок Англии, Франции, России и, в той или иной форме, Соед. Штатов (плюс ряд более второстепенных и мелких государств). При этой комбинации все слабые места русского хозяйства и русской военной промышленности смогут быть с избытком покрыты помощью со стороны стран более богатых и более передовых, между тем как недочеты, дефициты, бедность промышленных ресурсов Германии и ее союзников ничем и никем компенсированы быть не могут.

Констатируя этот факт, Штернберг приходит к заключению, что, если принять во внимание факторы и аргументы хозяйственного, сырьевого и продовольственного порядка, то победа Германии в грядущей войне является совершенно исключенной.

К тому же выводу его приводит и сравнительный анализ финансового положения германской и антигерманской коалиции. Если в былые времена многие любили ссылаться на знаменитое изречение, что «для ведения войны нужны деньги, еще раз деньги и опять-таки деньги», то эта истина не потеряла своего значения и в наш век техники, моторизации и авиации. Чтобы возместить недостаток военно-промышленного сырья, на который было указано в прошлой статье, Германия (и германская коалиция) вынуждена была бы во время войны все в большей степени прибегать к ввозу недостающих материалов из заграницы (Вопрос о блокаде мы при этом временно оставляем в стороне). Ввоз этот важен не только сам по себе, но еще в значительной степени потому, что ввоз готовых полуфабрикатов или продуктов сберегает значительное количество рабочих сил, которые были бы нужны для производства всех этих материалов внутри страны, — даже если бы это по естественным условиям было возможно. Под этим углом зрения, золото приобретает первостепенное военное значение и становится в подлинном смысле этого слова «военно-промышленным сырьем». Закупка нефти, аммуниции, оружия, готового стального литья и т. п. за границей освобождает для фронта целые дивизии и корпуса, которые в противном случае должны были бы работать на фабриках и заводах, производящих синтетическую нефть, гранаты, сталь и т. п. Между тем, оставляя в стороне блокаду, количество золота в Германии и всей германской коалиции совершенно ничтожно по сравнению с теми золотыми резервами, которыми располагает коалиция антигерманская. Это особенно отчетливо видно, если сравнить годы 1913 и 1937.

Количество золота (в милл. зол. марок):

	1913	1937
Соед. Штаты	7.937	31.745
Англия	4.881	6.637
Франция	5.887	6.367
Германия	4.180	71 (1)

К этому надо еще прибавить, что золотая продукция России за последние годы чрезвычайно сильно возросла, между тем как золотой запас Италии и Японии представляет собой величину чрезвычайно небольшую.

С другой стороны, до 1914 г. Германия была страной-кредитором: около 25 миллиардов марок германских капиталов были размещены в разных странах мира, и около 1 млрд в год поступало по ним одних только про-

центров в распоряжение германских капиталистов. Сейчас Третий Рейх должник, а не кредитор; он должен не получать, а платить проценты по займам, и иностранное капиталовложение Германии исчисляется не больше чем в 2,5 млрд. (в 10 раз меньше, чем до войны).

**

Будущая война будет еще в большей степени войной машин, чем война 1914-18 гг. И тем не менее, в центре будущей войны будет стоять человек. Вот то заключение, к которому в конце концов Штернберг приходит. Ибо будущая война не будет войной отборных войск, ни даже кадров. Это будет война массовых армий, армий солдат и армий промышленных рабочих. И, следовательно, военный потенциал есть величина отличная от потенциала военно-технического и военно-промышленного. И этот военный потенциал в решающей степени будет зависеть от того, как к войне отнесется и как эту войну будет нести народ!

Таким образом, проблема из области промышленной и технической переносится в область политическую и социальную. Мы не будем здесь следовать за Штернбергом во всех его рассуждениях и построениях, частью безусловно верных, частью весьма проблематических. Для нас, как русских социалистов, достаточно будет указать на то, что как раз в области тех политических взаимоотношений между диктатурой и населением, на которых Штернберг так много и подробно останавливается по отношению к Германии, не мало можно сказать и по отношению к России. В какой мере русский народ, в частности русское крестьянство и русский рабочий класс, будет в грядущей войне покорно следовать за диктатурой Сталина? В случае тяжелой и затяжной войны (а другая война вряд ли сейчас мыслима!), в которой все недостатки сталинской системы будут все яснее обнаруживаться, и в которой народным массам придется нести все больше и больше жертв и лишений, — в этой войне произойдет ли сближение между властью и народом, или же наоборот — все внутренние противоречия режима еще больше обострятся?!

Вот почему для нас, русских социалдемократов, судьба России в грядущей мировой войне, как и все будущее русской революции тесно связаны не столько с военно-промышленными и техническими проблемами, сколько с политической эволюцией сталинского режима. Но это уже вопрос особый.

**

Статья эта была написана до последних событий, до присоединения Чехословакии и Мемеля к Третьему Рейху. Эти изменения карты Центральной Европы, конечно, чрезвычайно сильно меняют — к выгоде для Германии — стратегическое положение обеих вероятных коалиций в грядущей войне. А захват огромного количества первоклассного военного материала в Чехословакии существенно усиливает — по крайней мере на ближайшее время — военно-технический потенциал Германии

и Италии. Но как раз в той области, о которой идет речь в нашей статье и в книге Штернберга, т. е. в области сырьевых и промышленных ресурсов, аннексия Чехословакии, Мемеля и т. д. не вносит сколько-нибудь заметных изменений. В некоторых газетах описывалась «трогательная сцена», как Геринг и Гитлер — в момент капитуляции Гахи — упали друг другу в объятия с криком: «Теперь у нас есть железо»... Это несомненная утка: ибо добыча железной руды в аннексированных только что областях выражается в цифре 1,5 милл. тонн в год и, конечно, составляет лишь ничтожную долю тех 20 милл. тонн, которые Германия сейчас вынуждена ввозить из заграницы. Уже гораздо значительнее добыча угля в аннексированных территориях, но общая картина соотношения сил в области промышленного сырья от этого не меняется. А что касается аграрных ресурсов данных областей, то о них вообще говорить не приходится, — в этом смысле аннексия скорее минус, чем плюс. Но самое главное это то, что при сравнении военно-промышленного коэффициента обеих коалиций мы все время исходили из сопоставления нынешнего положения с тем, которое было в войне 1914-18 гг. Между тем, в 1914 г. не только вся нынешняя Чехословакия, — как до-сентябрьская, так и домартовская, — но и Карпатская Русь, а помимо того значительная часть Румынии (Буковина, Трансильвания), Польши (Познань, Верхняя Силезия), Югославии (Кроатия) и Италии (Трентино) являлись составной частью либо Германии, либо Австро-Венгерской монархии и следовательно входили (со всеми своими промышленными, аграрными и человеческими ресурсами) в состав коалиции центральных держав. Таким образом, они уже все равно были учтены в тех сравнительных таблицах для 1914 и 1937 гг., которые приводятся в нашей статье.

Но если только-что произведенный захват чехословацкой территории ничего существенно не меняет в тех военно-промышленных перспективах войны, о которых мы писали, то дело может чрезвычайно сильно измениться, если Германии удастся наложить руки на промышленное и аграрное сырье Румынии и Югославии или, напр., на шведскую железную руду, на бельгийский уголь и железно- или же на золотой запас Голландии или Швейцарии.

На эту возможность Штернберг указывает в своей книге, говоря о возможных военных операциях Германии, имеющих специальной целью ослабить военно-промышленный потенциал противников или усилить свой собственный. Но такого рода операции уже означают начало войны, и от предусмотрительности и искусства демократических стран зависит повести дело так, чтобы эта война, если ее не удастся предотвратить мерами давления, началась в условиях наименее благоприятных для тоталитарного блока, то-есть в тех условиях, которые имеются сейчас и которые, как показано выше, характеризуются таким соотношением между военно-промышленными потенциалами обеих коалиций, которое совершенно исключает победу итало-германско-японского блока.

В Рабочем Социалистич. Интернационале

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ.

26 марта собралось в Париже Бюро Рабочего Социалистического Интернационала. Заседание, продолжавшееся целый день, было посвящено тщательному обсуждению изменений, происшедших в международном положении.

В собрании участвовали, под председательством Де-Брукера, председателя РСИ, следующие члены Бюро:

Фогель (Германия), Гиллис (Англия), Кордеро (Испания), Леон Блюм (Франция), Ненни (Италия), Дан (Россия), Фогт (Швеция), Гримм (Швейцария), а также кассир РСИ Фан-Роосбрук и секретарь Фридрих Адлер.

Бюро занималось кроме того подготовкой сессии Исполнительного Комитета, которая соберется в ближайшем будущем.

Адельгейда ПОПП

На 70-ом году жизни скончалась в Вене Адельгейда Попп, сыгравшая видную роль в австрийском и международном женском движении.

В книжке «Юность работницы» А. Попп в увлекательной форме рассказала начало своей биографии — биографии потомственной пролетарки, с детства познавшей голод и холод и собственными усилиями пробившейся к знанию, культуре, к возможности стать слугой и руководителем освободительного движения своего класса.

Попп была основательницей и редактором первой женской газеты австрийского социализма — «Газеты работниц», пре-

вратившейся затем в ежемесячник «Женщина», председательницей австрийского, а затем и международного социалистического женского комитета и представительницей его в Исполкоме Социалистического Интернационала, членом центрального комитета австрийской социалдемократии, а с 1919 года, когда женщины получили в Австрии избирательное право, и депутатом австрийского парламента.

Вся эта кипучая деятельность была оборвана разгромом австрийской социалдемократии в 1934 году. С тех пор А. Попп, к тому же пораженная тяжелой болезнью, должна была безвыездно и бездеятельно доживать свой век в Вене под гнетом клерикального полу-фашизма Дольфуса и Шусинга, чтобы умереть во мраке тоталитарного фашизма Гитлера. Но работа ее жизни дает ей право на благодарную память австрийского и международного пролетариата.

По России

ВКП НА 18-ОМ СЪЕЗДЕ.

Глубокое изменение облика ВКП за последние годы, может быть, ни в чем не сказалось с такой наглядностью, как в составе закончившегося только что 18-го съезда. В 1934 г., на 17-ом съезде, докладчик мандатной комиссии **Ежов** с удовлетворением подчеркнул, что среди **делегатов съезда** с решающим голосом 22,6% вступили в партию до 1917 г. («подпольщики») и 17,7% в 1917 году, т. е. что эти две группы вместе охватывают более 40% делегатов съезда, и что 80% участников съезда вступили в партию до 1920 года. А на 18-ом съезде, по данным мандатной комиссии, было уже только 2,4% делегатов-«подпольщиков» и делегатов со стажем 1917 года 2,6%, т. е. тех и других вместе лишь 5%, а вступивших в партию до 1920 г. лишь 14,8%.

Еще разительнее опубликованные на этот раз в докладе мандатной комиссии данные о группировке всего **состава членов партии** (а не только делегатов съезда) по партийному стажу. Оказывается, что в ВКП сейчас членов со стажем до 1917 г. всего лишь 0,3%, со стажем 1917 г. 1,0%, т. е. в громадной партии, насчитывающей в своих рядах почти 1.600.000 членов (кроме почти 900.000 кандидатов) имеется членов со стажем до 1918 г. всего лишь немного более 20.000. Между тем к началу 1918 года в компартии было **более четверти миллиона** членов (на 6-ом съезде в июле-августе 1917 г. партия насчитывала 240.000 членов, во время 7-го съезда в марте 1918 года 270.000). Из этих 250-270 тыс. большую часть молодых людей должны были дожить до нашего времени — даже если принять во внимание потери гражданской войны — никак не меньше 200.000. Но лишь 10% из них входят сейчас в ВКП.

За последние годы число членов партии резко сократилось (по сравнению с 17-ым съездом почти на 300 тысяч), несмотря на очень значительный приток новых членов, начиная с осени 1936 года. Это сокращение численного состава ВКП внешне напоминает процесс, пережитый партией в начале 20-х, когда из партии был «вычищен» сотни тысяч и численный состав партии сократился с 732.500 ко времени 10-го съезда (в марте 1921 г.) до 386.000 на 12-ом съезде (в апреле 1923 г.). Но чистка 1921/22 гг. имела целью освободить партию от более или менее случайных элементов, проникших в массу в партию в годы гражданской войны. Это была попытка вернуть партию — по ее составу — к ее истокам. И чистка эта очень мало коснулась старых партийных кадров, которые почти до середины 30-х годов пользовались в партии особым авторитетом. А тот разгром, которому подверглась ВКП за последние годы, прежде всего ударил по старым кадрам, и сейчас уже с гордостью отмечается, что в составе ВКП членов со стажем с 1929 года и позже 70%, и что даже среди делегатов съезда оказалось 43% (на 17-ом съезде их было 2,6%).

Докладчик мандатной комиссии на 17-ом съезде с удовлетворением констатировал далее, что среди делегатов съезда 9,3% составляют **рабочие** с производства (рабочих «по социальному происхождению», т. е. в большинстве бывших рабочих среди делегатов было более 60%). Докладчик мандатной комиссии на 18-ом съезде этого деликатного вопроса вовсе не касался. Он больше не интересуется ВКП. Больше того. Даже знаменитые стахановцы, прогремевшие на всю страну: Стаханов, Бусыгин, Сметанин, Виноградова, Одицова, Мусинский, Лихорадов, Кривонос, Мазай Гулов и т. д., и т. д., — на этом съезде оказались не на месте. Все они уже давно вступили в партию, многие из них были избраны на съезд; но никто из них здесь рта не раскрыл, а когда дело дошло до выборов ЦК, то среди 71 члена и 68 кандидатов в члены ЦК ни для кого из них не нашлось места, и только Кривонос оказался избранным в 50-членную ревизионную комиссию.

На съезде выяснилась еще одна характерная черта: совершенно исключительная слабость компартии в **крестьянстве**. **Андреев** сообщил на съезде, что на 243.000 колхозов имеется

только 12.000 первичных партийных организаций с общим числом членов и кандидатов 153.000 («Правда» от 14-го марта), т. е. в 95% всех колхозов нет даже первичных партийных организаций, хотя, по уставу партии, первичные партийные организации образуются всюду, где есть хотя бы три члена партии.

При крайней слабости компартии в деревне суррогатом ее является комсомол, но и первичных комсомольских организаций, оказывается, нет более чем в 100.000 колхозов. К этой теме возвращались многие из делегатов съезда. Приведем лишь особенно поразительные данные по Московской области, как Солнечногорский с 213 колхозами или Волоколамский с 292 колхозами, где нет ни одной колхозной первичной партийной организации. В 4.648 колхозах области, т. е. почти в 70%, нет ни партийной, ни комсомольской первичной организации. И если в 1938 г. было принято в компартию по Московской области в качестве кандидатов 27.000 человек, среди них оказалось только 324 колхозника («Правда» от 21-го марта).

Компартия все отчетливее превращается в партию советской бюрократии («интеллигенции», по новой фальшивой терминологии) и — на втором плане — смыкающегося с советской бюрократией верхнего и возвышающегося слоя рабочего класса, все более отрывающегося от рабочих масс и почти совершенно чуждого крестьянству.

**

При выборах нового ЦК разрыв компартии с прошлым, даже с совсем недавним прошлым обнаружился с полной отчетливостью. Из 71 членов ЦК 1934 года в новый ЦК вошли лишь 16, из 68 старых кандидатов в члены ЦК только 6 и двое переизбраны кандидатами. Таким образом из 139 членов и кандидатов в члены старого ЦК переизбраны всего лишь 24, т. е. около одной шестой. Большинство остальных давно объявлены врагами народа, несколько десятков из них, расстреляны или доведены до самоубийства. О падении их у нас в разное время сообщалось. Сейчас этот процесс ликвидации старых руководящих кадров находит свое завершение.

В дополнение к нашим прежним сообщениям назовем наиболее известные имена лиц, падение которых окончательно выяснилось только сейчас. Это прежде всего **Ежов**. Формально он до сих пор сохраняет пост наркомввода, но на съезде его уже не было, имя его прямо не было здесь ни разу произнесено (хотя анонимно его и осудили) и как наркомввода, и как наркомвода — см. речь Берия, и в списке членов нового ЦК его нет. С **Ежовым**, несомненно, покончено. Нет и **Блохера**, окончательное падение которого не может больше вызывать сомнений. Это гибнет уже третий маршал СССР (из 5; Ворошилов впервые назвал на съезде в числе «продажной сволочи» маршала **Егорова**, о падении которого давно было известно, но имя которого в числе «врагов» до сих пор ни разу не называлось).

Не был избран на съезд и не попал и в новый ЦК бывший многолетний председатель ЦИК'а Украинской ССР и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП **Григорий Петровский**. Еще летом он оказался за бортом при выборах в Верховный Совет УССР и не попал, конечно, и в Президиум ВС УССР, но еще продолжал появляться иногда при раздаче орденов в качестве заместителя председателя Президиума ВС СССР. Сейчас он, повидимому, совсем сходит на нет. Вместе с ним исчезает из ЦК **Кривжановский**, заместитель председателя Академии Наук, последний представитель старшего поколения большевиков, один из друзей Ленина еще по работе в Петербурге в середине 90-ых годов прошлого столетия.

Заслуживает внимания и отсутствие в составе нового ЦК **Димитрова**. Правда, он не входил и в старый ЦК, так как до своего ареста в Берлине он был не столько русским, сколько болгарским коммунистом и во время 17-го съезда еще сидел

в немецкой тюрьме. Но с тех пор он стал гражданином СССР и даже депутатом ВС СССР, и если бы положение его в качестве руководителя Коминтерна не поколебалось, он, конечно, должен был быть избран в ЦК ВКП. Сейчас руководство Коминтерна представлено в ЦК одним лишь Мануильским (в 1934 г. кроме Мануильского были избраны в ЦК Пятницкий и Кнорин, давно перешедшие, вернее, переведенные в состояние политического — а, может быть, и физического — небытия). И хотя Мануильский и назван на съезде Димитрова «верным учеником Сталина», закат Димитрова не вызывает сомнений. Как вне сомнений и закат вчерашнего «свадебного генерала» **О. Ю. Шмидта**: и его нет в составе ЦК.

Остановимся еще бегло на членах правительства СССР. В состав Совнаркома СССР входят сейчас 38 человек; из них 19 избраны членами ЦК, 7 кандидатами в члены ЦК и 5 избраны в ревизионную комиссию (кандидатами в члены ЦК и членами ревизионной комиссии избраны более молодые члены правительства, занимающие менее значительные посты). Но 7 членов Совнаркома не избраны никуда. Из них только для молодого наркома общего машиностроения **Паршина** и председателя Комиссии по делам искусств при СНК СССР **Назарова** это неизбрание, может быть, не означает начала конца. Для наркомвода **Ежова**, наркомюста **Рычкова** (бывшего ежовца), наркомсвязи **Бермана** (тоже бывшего ежовца),

наркомздрава **Болдырева** и наркомвоенмора **Фриновского** это приговор. Особенно неожиданным является падение Фриновского, единственного среди видных сотрудников Ягоды, удержавшегося и даже поднявшегося при Ежове и продолжавшего свое возвышение даже после того, как звезда Ежова начала закатываться. Ничто, казалось, не предвещало его близкого падения и еще совсем недавно — при приведении к присяге армии и флота — Фриновский был на вершине славы. Сейчас это политический труп.

Для иллюстрации процесса изнашивания руководящих кадров, еще только вчера стоявших во главе партии и советского государства, остановимся еще на судьбе членов Совнаркома СССР, избранного в январе прошлого года на первой сессии ВС СССР. Всего в состав правительства СССР были избраны тогда 29 человек. Прошло немного более года, и 15 из них уже объявлены «врагами народа», 4 (Ежов, Рычков, Болдырев и Берман) или даже 5 (если считать и Назарова) накануне падения, и лишь положение 9 (или с Назаровым 10) пока не поколебалось. Эта лихорадочная смена лиц на верхах компартии и государственного аппарата является лишь внешним выражением бурного характера того процесса новой социальной кристаллизации, который совершается сейчас в недрах ВКП и советского государства. **С. Ш.**

ИЗ ПАРТИИ

Постановление Заграничной Делегации РСДРП (3 марта 1939 г.)

В виду тяжелого финансового положения «Социалистического Вестника» Заграничная Делегация постановляет:

1. — Предложить всем членам партии и групп содействия внести в фонд «С. В.» **чрезвычайный взнос в размере, равном 5% месячного заработка, но не меньше 50 фр.** В случае безработицы этот взнос, по соглашению с секретариатом партии, может быть понижен или отменен.
2. — Предложить всем группам содействия, а также отдельным лицам партии организовать **специальный трехмесячный сбор** в фонд «Социалистического Вестника».
3. — Организовать, где это возможно, **доклады или вечеринки**, предоставив доход с них в фонд «Соц. Вестника».
4. — **Отменить** во всех случаях, кроме самых исключительных, **посылку «С. В.» без оплаты.** Безработным «С. В.» будет посылаться впредь за половину платы.

Секретарь З.Д. РС.Д.Р.П. **А. ЮГОВ.**

СБОР В ФОНД
ЖУРНАЛА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

ВНЕС В ФОНД _____

№ _____

ПОЛУЧИЛ _____

ДОЛГ КАЖДОГО СОЦИАЛИСТА,
КАЖДОГО ДЕМОКРАТА ПОМОЧЬ
ОРГАНУ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ

20 марта начался сбор в фонд «Социалистического Вестника». Лица, не получившие книжку для сбора и желающие принять участие в сборе, могут обратиться в контору «Социал. Вестника» (141, rue Vroca, bât. 11) в часы приема или по телефону: Pog. 05-25; Van. 35-63.